

Дмитрий Иванович ПОПОВ —
докторант кафедры дореволюционной
отечественной истории
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук

УДК 93 (571.1)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ
ОБЩЕСТВА В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуется государственная политика в отношении культурно-просветительных обществ в России в начале XX в. Законодательно гарантировав свободу деятельности обществ, царская администрация стремилась не допускать их превращения в центры деятельности оппозиционных сил, что делало работу просветительных обществ нестабильной и ослабляло их потенциал.

The author characterized the state politics with regard to enlightening societies in Russia in the beginning of the 20th century. Having analyzed the reasons of their low level of efficiency the author concluded that the Tzar administration, on the one hand, had guaranteed their legal activity, and, on the other hand, prevented their turning into the centers of opposition.

Изучение проблемы взаимоотношений государственной власти Российской империи и негосударственных общественных объединений, какими являлись культурно-просветительные общества, диктуется самой логикой развития исторической науки. Все очевидней становится невозможность составить полноценное представление о формировании гражданского общества в России на рубеже XIX–XX вв. без учета опыта деятельности культурно-просветительных организаций. Между тем, из поля зрения исследователей фактически выпали вопросы, связанные с изучением административной политики в отношении культурно-просветительных организаций, их правового положения. Малоизученной остается проблема «формирующего влияния» просветительных обществ на содержание региональной политики российского самодержавия.

Культурно-просветительные общества, созданные с целью удовлетворения духовных, научных и просветительных потребностей интеллигенции, в условиях российской действительности конца XIX–начала XX вв. служили решению более широких общественно-политических задач. Ускорение научно-технического, общественного и культурного прогресса, охватившее во второй половине XIX в. все европейские страны, в том числе и Россию с ее азиатскими провинциями, с неизбежностью вело к формированию общества нового социокультурного типа, основой которого становилась всеобщая грамотность населения. В то же время, ни правительство в лице Министерства народного просвещения и Священного синода, ни городское самоуправление не могли удовлетворить все возрастающие потребности населения в культуре и образовании, и оставшееся свободное пространство стало быстро заполняться самодеятельными культурно-просветительными объединениями.

Значение просветительных обществ на территории сибирской окраины усиливал еще один фактор. Российское законодательство 60–90 гг. XIX в. обязало «городские и сельские общества принять участие в попечении о народном образовании и народном здравии, заботиться о призрении бедных и прекращать нищенство» [1]. В Европейской части России этим занялись земские учреждения, ставшие здесь основой местного самоуправления. На территорию сибирской окраины земство распространено не было, поэтому культурно-просветительные общества, на-

ряду с местным самоуправлением, приняли на себя задачи развития общей культуры, формирования гражданского сознания, политического воспитания различных слоев населения и подготовки их к активному участию в общественной жизни.

Содействуя распространению культуры и образования среди населения Сибири, культурно-просветительные общества пользовались значительной поддержкой со стороны государственной власти. Представители центральных органов государственной власти в Сибири, губернские и городские чиновники состояли председателями правлений, почетными и пожизненными членами рассматриваемых организаций. Так, в 1889 г. председателем томского Общества естествоиспытателей и врачей был избран попечитель Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринский. В 1902 г. почетным членом Общества вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области состоял степной генерал-губернатор Н. Н. Сухотин. В 1908 г. степной генерал-губернатор Е. О. Шмит принял на себя обязанности попечителя омского Общества правильной охоты [2]. Губернские благотворительные общества, как правило, возглавлялись женами местных губернаторов.

Поддержка просветительных обществ со стороны государственной власти выражалась и в денежных субсидиях, которые регулярно переводились на их счета. В конце XIX—начале XX вв. степной генерал-губернатор субсидиями поддерживал местное Общество попечения о начальном образовании. Министерство земледелия и государственных имуществ ежегодно финансировало часть расходов Степного общества любителей садоводства и древонасаждения и омского Общества пчеловодства [3]. В финансировании просветительных организаций принимали участие и органы местного самоуправления. В частности, значительной финансовой поддержкой томской Городской думы пользовались местные Общество содействия физическому развитию, Общество попечения о начальном образовании и Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии [4].

В то же время государственная власть, опасаясь политизации общественных организаций и превращения их в арену деятельности антиправительственных сил, установило жесткий контроль за функционированием просветительных обществ. Вплоть до 1906 г. они не имели статуса юридического лица. Министерство внутренних дел в каждом отдельном случае утверждало устав общества, осуществляло административный надзор за его деятельностью и имело все полномочия по его закрытию. Координацию текущих дел обществ осуществляло профильное министерство или ведомство. Так, общества попечения о начальном образовании находились в ведении Министерства народного просвещения, общества сельского хозяйства, пчеловодства, садоводства и древонасаждения — Министерства земледелия и государственных имуществ, общества содействия физической культуре и спорту — Министерства внутренних дел. На министерском уровне также разрабатывались так называемые типовые уставы, которыми должны были руководствоваться учредители новых просветительных организаций. В частности, типовой устав обществ попечения о начальном образовании был разработан Министерством народного просвещения на основе устава томского общества.

Важнейшим этапом эволюции законодательства в отношении культурно-просветительных организаций стала первая российская революция. Манифест 17 октября 1905 г. гарантировал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной свободы совести, слова, собраний и союзов». Изданная в 1906 г. на основе Манифеста 17 октября новая редакция Основного государственного закона закрепила провозглашенную Николаем II свободу союзов. В статье восьмидесятой подтверждалось право российских подданных «образовывать общества и союзы в целях, не противных законам» [5].

Условия образования обществ и союзов, порядок их действия, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов должны были определяться отдельным законом. К его разработке Министерство юстиции приступило еще летом 1905 г., а в ноябре-декабре 1905 г. внесло на рассмотрение Совета Министров, а затем и Государственного Совета «Временные правила об обществах и союзах». Правила были утверждены императором 4 марта 1906 г. с оговоркой, что действуют они «впредь до издания в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. общего закона о союзах и обществах» [6]. С 1907 г. правительство действительно приступает к подготовке нового законодательного акта, который в условиях наступления реакции должен был вернуть, по замыслу властей, «свободу» союзов на дореволюционный уровень. В январе 1908 г. проект был готов, а в феврале для его обсуждения создано специальное межведомственное совещание под председательством директора департамента общих дел МВД А. Д. Арбузова. Однако работа совещания в 1909 г., а затем и в 1910 г. оказалась безрезультатной, подготовленный им законопроект не обсуждался даже в Совете министров [7].

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. предоставляли всем общественным организациям, в том числе и культурно-просветительным, статус юридического лица, позволявший им приобретать и отчуждать недвижимое имущество, заключать договоры, вступать в обязательства, искать и отвечать в суде. Устанавливался явочный порядок открытия обществ. Общий контроль над их деятельностью «Временные правила» возлагали на губернские и областные по делам об обществах присутствия. В Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях и в Якутской области обязанности губернских по делам об обществах присутствий были возложены на общие присутствия губернского или областного управления. Губернские по делам об обществах присутствия, на основании постановления Государственного Совета, «действовали в силу законов именем Императорского Величества» и подчинялись непосредственно Правительствующему Сенату. Фактически же присутствия находились в полной зависимости от губернаторов. Статья шестнадцатая правил запрещала присутствиям иметь собственные канцелярии, их делопроизводство возлагалось на канцелярии губернаторов или на канцелярии губернского правления [8]. По мнению члена ЦК партии кадетов, правоведа А. Каминки, опубликовавшего в 1906 г. в газете «Право» критический очерк о свободе союзов в России, «правила написаны в такой мере откровенно небрежно, что остается совершенно незамаскированным то решающее значение губернатора или градоначальника, по которому все присутствие по существу является только канцелярией» [9].

К практической работе общества могли приступать после внесения их в реестр губернского присутствия. Надзор за их деятельностью поручался губернским властям. Инструкция МВД от 20 октября 1909 г. обязывала губернаторов как представителей государственной власти «быть всесторонне осведомленными о действительном направлении деятельности обществ и иметь за ними самый тщательный надзор» [10]. Губернатор обладал правом пресекать действия, «преследующие цели, противные общественной нравственности, воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности». Еще в период обсуждения правил в Государственном Совете в среде законодателей возникли дискуссии о праве административных властей запрещать деятельность обществ, «противоречащих нравственности, нарушающих уголовные законы или угрожающих общественному порядку». А. Каминка, анализируя эти дискуссии, утверждал, что «вопрос вовсе не в том, необходимо ли иметь возможность не допускать возникновения и существование обществ, нарушающих законы. Вопрос заключается

только в том, каким путем правительство желает осуществлять это право: путем ли административного усмотрения или с помощью судебных органов» [11]. Члены Государственного Совета в ходе обсуждения правил высказали две противоположные точки зрения. Согласно первой, рассмотрение дел о запрещении и закрытии обществ должно быть отнесено к ведению судебных органов, «ибо только при таком условии могут быть в надлежащей степени обеспечены справедливость и беспристрастность принимаемых мер, а также и интересы как государства, так и общества и частных лиц».

Выразители второй точки зрения, поддержанные министром внутренних дел П. Н. Дурново, требовали право закрытия обществ и союзов предоставить губернской администрации. Они считали, что «основанием к закрытию общества служит не только преследование им цели, нарушающей уголовный закон, но и цели, противной нравственности, или такая деятельность общества, которая угрожает общественной безопасности и спокойствию». «Нравственность, — полагали они, — понятие условное и на практике несомненно встретятся случаи, когда необходимо будет закрыть общество за безнравственное поведение, хотя действие, в которых оно выражается, нельзя будет подвести ни под одну статью уголовного кодекса» [12]. При утверждении временных правил Государственный Совет опирался именно на вторую точку зрения. Статья тридцать пятая закона об обществах определяла: «Губернатор или градоначальник, если деятельность общества угрожает общественной безопасности и спокойствию, вправе приостановить собственной властью его действие, о закрытии его предложить на разрешение губернского или городского по делам об обществах присутствия». В случае, если закрытие общества утверждалось присутствием, члены правления получали право апелляции к Правительствующему Сенату. Если же присутствие находило доводы губернатора недостаточными для закрытия общества и выносило решение в пользу последнего, то губернатор мог приостановить решение присутствия и представить дело на рассмотрение министра внутренних дел. В свою очередь министр мог либо подтвердить постановление присутствия, либо направить дело о закрытии общества на рассмотрение Правительствующего Сената [13]. Решение последнего, согласно Временным правилам от 4 марта 1906 г., являлось окончательным и обсуждению не подлежало.

Утвержденные 4 марта 1906 г. Николаем II Временные правила об обществах и союзах вызвали самую негативную реакцию в российском обществе. По мнению А. Каминки, «во всех своих подробностях правила эти преследуют только одну цель, заботятся только об одном, именно сохранить в полной мере систему административного произвола по отношению ко всем формам совместной деятельности граждан». Газета «Сибирь» в 1910 г. утверждала, что «в основах текущей практики применения правил 4 марта положено недоверие к общественной организованной самодеятельности. Весьма твердо и прочно, по-видимому, установилось мнение, что под видом благотворительных и всяких иных обществ и союзов возникают общества, преследующие главным образом политические цели» [14].

В целом, Временные правила об обществах и союзах открыли культурно-просветительным организациям более широкие возможности для практической деятельности среди различных слоев городского и сельского населения. Статус юридического лица значительно укрепил позиции просветительных обществ во взаимоотношениях с органами государственной власти, позволил обществам поднять формы и методы культурно-просветительной работы на качественно новый уровень, ранее для них недоступный. В то же время правительство и местные административные власти подзаконными актами стремились ограничить свободу культурно-просветительных обществ и не допустить их превращения в арену деятель-

ности политических сил. В начале 1908 г. Департамент полиции в специальном циркуляре потребовал от местной администрации «ужесточить наблюдение за обществами разных наименований и в случае уклонения их в сторону политической агитации и пропаганды, а также обязательных для них, согласно уставам, условий деятельности принимать решительные меры вплоть до закрытия обществ в установленном порядке» [15]. Губернские власти немедленно приступили к исполнению указаний Департамента полиции. В 1908 г. журнал «Сибирские вопросы» сообщал: «Обыски, аресты и высылки лиц, имеющих отношение к культурно-просветительной деятельности общественного характера, сделались явлением совершенно заурядным» [16]. В 1907 г. губернаторы получили право закрывать общества в административном порядке. Такая мера, например, была применена в 1909 г. по отношению к иркутскому Обществу распространения народного образования, несмотря на то, что Сенат отменил постановление общественного присутствия иркутского губернского правления о закрытии общества. В период реакции были закрыты тюменское, ишимское, тарское, тюкалинское уездные отделения Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Иркутской губернии, Общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии и ряд других организаций [17].

С 1908 г. практика закрытия обществ в административном порядке стала осуществляться столь часто, что МВД вынуждено было издать по этому поводу специальное разъяснение. Министерство сообщало губернаторам, что «зарегистрированные общества и союзы, деятельность которых будет признана вредной, могут и не быть закрыты, если путем изменения уставов этих обществ возможно направить их на законный путь» [18]. Материалы местной прессы и свидетельства современников позволяют утверждать, что ни одной культурно-просветительной организации, закрытой в административном порядке, не было позволено изменить устав, хотя со стороны членов правлений такие просьбы поступали. Так, в 1908 г. руководство енисейского Общества попечения о начальном образовании обратилось в губернское по делам об обществах присутствие с предложением «принять меры для устранения тех неправильностей в ведении дела, которые вызвали вопрос о закрытии». Присутствие отказалось рассматривать просьбу правления и подтвердило свое прежнее решение [19].

Начиная с 1907 г., губернские власти взяли курс на ужесточение своих требований в отношении учредителей и уставов «нарождающихся обществ», которым все чаще стали отказывать в регистрации. Как отмечала газета «Сибирь», «первые же шаги по применению правил 4 марта 1906 г. об обществах и союзах были ознаменованы недоразумениями между губернскими присутствиями и учредителями профессиональных, благотворительных и культурно-просветительных обществ по делам о регистрации этих обществ в законном порядке. И недоразумения эти по большей части разрешались не в пользу лиц, бравших на себя инициативу в том или ином культурно-общественном начинании. Но с течением времени недоразумения между губернскими присутствиями и членами-учредителями настолько участились, что составили в практике Сената особый отдел и отдельную систему рассмотрения жалоб на неправильные действия по отношению к обществам и союзам». Эта же газета сообщала, что в 1910 г. на одном из заседаний Сената были рассмотрены 42 жалобы, «возникшие на почве применения временных правил» [20].

С момента подачи прошения и до регистрации общества губернатором проходили месяцы. Например, учредители Общества содействия среднему образованию в селе Камне Барнаульского уезда в течение девятнадцати месяцев вынуждены были четыре раза изменить устав, прежде чем общество было зарегистрировано. В 1907–

1908 г. административные органы стремились не допускать возобновления деятельности организаций, запрещенных ранее. В частности, в феврале 1908 г. П. И. Макушин обратился к томскому губернатору барону Нолькену с просьбой разрешить Обществу попечения о начальном образовании возобновить свою работу. Нолькиным просьба была отклонена до снятия военного положения в городе, введенного в 1906 г. При этом губернатор оставил без внимания настойчивые просьбы томской Городской думы, принявшей специальное постановление, в котором утверждалось, что «деятельность общества была плодотворна для нуждающихся масс населения и оно являлось серьезным помощником городского общественного управления» [21].

С 1907 г. был ужесточен административный контроль над структурными подразделениями культурно-просветительских организаций. В начале 1908 г. журнал «Сибирские вопросы» так охарактеризовал сложившуюся обстановку: «Канцелярщина и формализм превращают деятельность по насаждению образования в обыкновенный бюрократический тормоз распространения образования. Самое ничтожное дело, как, например, разрешение обучать взрослых грамоте в праздничные дни, восходит вверх по многочисленным инстанциям, с «соображениями» и «заключениями» промежуточных органов и, получив то или иное решение, путешествует в обратном порядке, на что затрачивается не менее месяца» [22].

Серьезные затруднения общества встретили при организации научно-популярных лекций и литературно-художественных чтений. Позиция губернских властей в отношении лекционных мероприятий обществ основывалась на инструкции МВД, в которой утверждалось, что «лекции и чтения для народа нередко обращаются в способы ведения противоправительственной пропаганды и агитации». С 1907 г. право разрешения публичных лекций и литературных чтений Департаментом полиции было предоставлено «более осведомленным в этом отношении» попечителям учебных округов. Последние подвергали самой тщательной цензуре программы литературно-художественных вечеров, тексты народных чтений, конспекты лекций, репертуар предполагаемых к постановке пьес и т. д. Иллюстрацией подобной «осведомленности» может служить цензурное заключение о стихотворении Г. Вяткина «Л. Н. Толстой», подписанное попечителем Западно-Сибирского округа Лаврентьевым. Стихотворение Г. Вяткина предполагалось в прочтении на художественно-музыкально-литературном вечере им. Л. Н. Толстого в Томске. Возмущение попечителя вызвали следующие фразы из этого произведения: «... пришел ты к нам, верю богат» и «... душой познавший чистоту». В сообщении на имя томского губернатора стихотворение было названо «в высшей степени тенденциозным», а его автор Г. Вяткин «неврастеником, полоумным, если только не сумасшедшим» [23].

В 1907–1914 гг. резолюции, запрещающие проведение тех или иных публичных мероприятий, стали основным средством административного воздействия на культурно-просветительные общества. К осени 1908 г. подобная практика достигла таких масштабов, что МВД вынуждено было издать по этому поводу специальный циркуляр. В нем начальник Департамента полиции разъяснил местным губернаторам, что «при безусловно точном соблюдении формальных условий, установленных временными правилами 4 марта 1906 г., полной корректности программы, отнюдь не могущей заключать в себе ничего агитационного и при отсутствии каких-либо особых данных, препятствующих по местным условиям разрешению собрания, ходатайства о разрешении сообщений, бесед или лекций должны быть удовлетворяемы» [24].

Опасаясь вовлечения учащихся сибирских учебных заведений в общественно-политическую деятельность, Министерство народного просвещения с 1907 г. попыталось ограничить их участие в публичных мероприятиях культурно-просвети-

тельных обществ. В 1907 г. министерство издало циркуляр следующего содержания: «По сведениям попечителей учебных округов воспитанники средних и низших учебных заведений обыкновенно весьма охотно посещают народные чтения, устраиваемые в помещениях этих школ, и приходят в соприкосновение с другими посетителями этих чтений, среди которых имеются элементы, общение с которыми признано для воспитанников школ нежелательным. Поэтому министерство решило предписать постепенное сокращение народных чтений в учебных заведениях впредь до окончания обязательств таковых по отношению к устроителям чтений относительно школьных зал и других помещений для устройства чтений» [25]. Подавляющее большинство сибирских просветительных обществ своих помещений не имели и арендовали для народных чтений и литературно-художественных вечеров аудитории учебных заведений, поэтому постановление Министерства народного просвещения наносило ощутимый удар по их деятельности. Кроме того, попечителям учебных округов предписывалось ограничить доступ учащихся средних и низших учебных заведений на просветительные мероприятия обществ. Организаторы лекций, народных чтений и литературно-художественных вечеров обязаны были в каждом конкретном случае испрашивать согласие попечителя или иного представителя учебной администрации на привлечение учащихся в качестве действующих лиц или зрителей предполагаемого мероприятия. Следует отметить, что чиновники Министерства народного просвещения предоставляли подобные разрешения достаточно неохотно и сопровождали их различными оговорками и условиями. Так, журнал «Сибирские вопросы» сообщал, что «омскому обществу «Просвещение» приходится буквально просить господ начальников учебных заведений о разрешении учащимся посещать лекции». В 1911 г. директор Омской мужской гимназии Курочкин не разрешил гимназистам присутствовать на научно-образовательных лекциях «О жизни животных» и «О жизни на морских глубинах» на том основании, что «они вредны для тех учащихся, которые не проходили курса естествоведения, поскольку предупреждают события, вредны и для тех, которые проходили естествоведение, поскольку трактуют вопрос не так, как излагается в учебнике» [26].

Подобную политику учебная администрация проводила и в отношении преподавателей учебных заведений, изъявлявших желание участвовать в работе просветительных организаций. В 1907 г. степной генерал-губернатор Шмидт потребовал от преподавателей Омского кадетского корпуса подписки о том, что они не будут состоять членами местного Общества попечения о начальном образовании. В 1910 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа и директор народных училищ в Новониколаевске, по сообщению журнала «Сибирские вопросы», «словесным внушением произвели давление на учительскую корпорацию и на отдельных учителей в том смысле, что они немедленно должны отказаться от участия во всяких обществах и комиссиях, причем внушение сопровождалось угрозой уволить» [27].

В конце 1908–начале 1909 гг., пользуясь материальными затруднениями, которые большинство сибирских обществ стали испытывать после первой российской революции в силу уменьшения числа действительных и особенно почетных членов, учебная администрация попыталась ограничить самостоятельность просветительных организаций. В 1908 г. Министерство народного просвещения приняло решение поддерживать школьно-попечительные общества, по ходатайству их правлений, некоторыми денежными ссудами. Этим воспользовался попечитель Западно-Сибирского учебного округа Лаврентьев. Ходатайствуя в 1909 г. перед министерством о субсидии томскому Обществу взаимопомощи учащим и учившим, он ставил перед последним условие, чтобы представителю министерства было предоставлено «право протеста против направления постановлений совета общества».

Министру народного просвещения он при этом сообщал, что выдача пособий «упрочит руководящее влияние министерства на направление деятельности общества».

Опасаясь усиления роли администрации Западно-Сибирского учебного округа, члены барнаульского Общества попечения о начальном образовании в 1909 г. опротестовали ходатайство своего правления о государственной субсидии, мотивируя это решение тем, что «общество потеряет остатки своей и без того призрачной самостоятельности и свободы действий». «Казенные рубли если и придут в кассу общества, — писал один из его членов, — то не одни, а в сопровождении административной цепочки, которая еще больше сократит кавычечную самостоятельность общества» [28]. В целом, в рассматриваемый период лишь немногие культурно-просветительные общества для пополнения своих фондов пользовались субсидиями. При этом большая часть денежных ссуд предоставлялась обществам не государственными учреждениями, а органами местного самоуправления.

На всем протяжении рассматриваемого периода стабильное функционирование просветительных обществ затруднял еще один немаловажный фактор. Административные власти уездного и волостного уровня не всегда имели четкое и ясное представление об особенностях функционирования учреждений общественной инициативы, их целях и правовом положении. Часто они вообще не видели соответствия между действующими в их округах обществами и употребляемым в ведомственных инструкциях и распоряжениях термином «культурно-просветительная организация». Так, в апреле 1908 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин обратился к томскому губернатору с просьбой «доставить сведения о числе просветительных организаций, зарегистрированных в Томской губернии, о характере их деятельности, лицах, стоящих во главе этих учреждений, и их политической благонадежности, отношении к просветительным организациям со стороны различных слоев местного населения». Томский губернатор, в свою очередь, потребовал соответствующих донесений от уездных приставов и исправников, которые в ответных сообщениях указали, что «просветительных организаций не имеется». Губернатор обратился с повторным циркуляром, где культурно-просветительными организациями были названы общества попечения о начальном образовании. Только после этого барнаульский, бийский, каинский уездные исправники и колыванский полицмейстер представили подробные обзоры деятельности названных обществ [29].

В силу некомпетентности чиновников местной администрации, многие культурно-просветительные общества, функционировавшие за пределами губернских городов, в своей деятельности не могли в полной мере пользоваться всеми правами и свободами, предоставленными им «Временными правилами» и другими законодательными актами. В то же время полицейские чины были прекрасно осведомлены об обязанностях местных обществ. В многочисленных инструкциях, определявших порядок надзора за общественными учреждениями, губернские власти призывали своих подчиненных принимать решительные меры в отношении тех просветительных обществ, «в деятельности которых замечается агитационная работа, недовольство существующим порядком вещей или действиями правительственной власти и вообще те или иные выдающиеся незаконные выступления». Причем документы были составлены таким образом, что не оставляли сомнений в антиправительственных целях культурно-просветительных организаций. Закономерно поэтому, что чины полиции, надзирающие за проведением просветительных мероприятий, замечали агитацию даже там, где ее вовсе не было. Так, летом 1907 г. в Енисейске произошел характерный в этом отношении инцидент. По сообщению газеты «Красноярск» «после окончания третьего действия пьесы «На пороге к делу», проходившей в библиотеке-читальне им. А. С. Баландина, актеры-любители запели всем известную песню «Солнце всходит и восходит», тотчас за кулисы прошел

помощник пристава Соколов и приказал: «Спектакль окончен, песню прекратить и разойтись». Согласно информации, полученной корреспондентом газеты, «на этом инцидент не кончился: начались допросы, протоколы, переписка, расследование — работы полон рот. В результате оказалось, что любители обвиняются в нарушении «общественной тишины и спокойствия пением революционной марсельезы» [30].

Аналогичный случай произошел весной 1908 г. в Минусинске. 13 мая уездный исправник Константинов сообщил в донесении на имя енисейского губернатора, что «в Минусинске в числе лекторов, принимавших участие в народных чтениях, находится некий Березовский, который всем содержанием своей лекции «Гипно-тизм и внушение» воспитывал умение захватывать и руководить толпой». Проведенное губернской администрацией расследование показало, что лекция Березовского носила строго научный характер и основывалась на сочинении профессора Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни». Примечательным является и тот факт, что присутствовавший на лекции помощник пристава Ситников непосредственно после ее окончания поблагодарил Березовского «за доставленное ему и всей минусинской публике удовольствие интересно составленной и прекрасно прочитанной лекцией». Сам исправник Константинов «выразил свое глубокое сожаление, что ему не удалось присутствовать на прекрасной лекции» [31]. Причиной же, побудившей Константинова написать рапорт, скорее всего, являлось очередное требование губернских властей «сообщить о незаконных и антиправительственных деяниях просветительных учреждений».

Таким образом, в конце XIX—начале XX вв. была создана система законодательных актов и правительственных распоряжений, определявших правовой статус и регламентировавших основные сферы жизнедеятельности культурно-просветительных организаций. Законодательство гарантировало свободу деятельности просветительных обществ и их формальную независимость от органов государственной власти. В то же время правительство, стремясь не допустить превращения обществ в арену деятельности политических сил, в полной мере сохранило прежнюю систему административного надзора за их функционированием. Все это, вместе взятое, предопределило направление развития и способы деятельности просветительных организаций в начале XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Хрестоматия по истории СССР (1861–1917 гг.). М.: Просвещение, 1990. С. 80–82; Городовое положение 1890 г. // Хрестоматия по истории СССР (1861–1917 гг.) М.: Просвещение, 1990. С. 87.

2. Адрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1890. С. 121; Отчет Общества вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области за 1902 г. Омск, 1903. С. 21; Отчет омского Общества правильной охоты за 1908 г. Омск, 1909. С. 1.

3. Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1889 г. Омск, 1900. С. 12; Отчет Степного общества любителей садоводства и древонасаждения за 1914 г. Омск, 1915 г. С. 17; Отчет о деятельности омского Общества пчеловодства за 1914 г. Омск, 1915. С. 6.

4. Пятнадцатый год существования томского Общества содействия физическому развитию с 1 мая 1910—по 1 мая 1911 гг. Томск, 1911. С. 55; Крекнин Г. Ревнитель света П. И. Макушин. Томск: Тип. дома Трудолюбия, 1916. 103 с.

5. Об усовершенствовании государственного порядка. Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. // Хрестоматия по истории СССР (1861–1917 гг.). М.: Просвещение, 1990. С. 297; Роговин Л. М. Законы об обществах, союзах и собраниях. СПб.: Законоведение, 1912. С. 8.

6. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах // Российское законодательство X–XX вв. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 206.

7. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 206.
8. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах. С. 208.
9. Каминка А. Правила 4 марта об обществах, союзах и собраниях // Право. 1906. 1 апр.
10. Циркуляр МВД от 20 окт. 1909 г. № 44 // Роговин Л. М. Законы об обществах... С. 28.
11. Каминка А. Указ. соч. // Право. 1906. 1 апр.
12. Там же.
13. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах. С. 211.
14. Сибирь. 1909. 27 мая.
15. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 247. Л. 30; ГАКК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 23. Л. 906.
16. Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 2.
17. ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1908. Д. 23. Ч. 9. Л. 6; Сибирь. 1909. 14 мая; Сибирские вопросы. 1908. № 21–22. С. 33; № 45–46. С. 45.
18. Право. 1907. 9 сент.
19. Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 24.
20. Сибирь. 1910. 27 мая.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6099. Л. 25, 28, 35, 54; Д. 6605. Л. 1, 7, 29, 53, 79.
22. Сибирские вопросы. 1908. № 1. С. 24.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2471. Л. 91–92; Д. 6887. Л. 1.
24. ГАРФ. Ф. ДП. Оп. 260. Д. 252. Л. 26.
25. Право. 1907. 25 марта.
26. Сибирские вопросы. 1911. № 42–43. С. 72.
27. Сибирские вопросы. 1909. № 39. С. 26; 1910. № 14–15. С. 78.
28. Шамахов Ф. Ф. Внешкольное образование в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. XX. Вып. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1961. С. 70.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6371 а. Л. 3, 7–13, 17–19.
30. Красноярск. 1907. 5 июня.
31. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 4, 6.

Зинаида Николаевна СОКОВА —
профессор кафедры новой истории
и международных отношений
факультета истории и политических наук,
доктор исторических наук

УДК 957.12

ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются демографические и социально-политические процессы среди татарского населения Тюменской области.

The article is devoted to the investigations of demographic and social political processes a Tartar population. The author consider this problem on the basis of the material of Tyumen region.

Идея консолидации татар Тюменской области как коренного населения региона зародилась в конце 1980-х гг., когда в центральной печати стали появляться статьи о литовских, крымских татарах, татарах Башкортостана, Урала, Киргизии и т. д. Несомненное влияние оказали и процессы, проходившие в это время в Татарстане. Они инициировали всплеск татарского патриотизма не только у жителей республики, но и у татар, проживающих за ее пределами. Возникшее на этой почве татар-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-01-00478а)